

ОДИНОЧЕСТВО МАРАФОНЦА

Культур. — 1994 — 21 янв. — С. 1

В одном из спектаклей Анатолия Иванова есть повторяющийся эпизод: на сцену выбегают мальчик и девочка и на огромном стекле пенной струей из баллончика со стеклоочистителем рисуют четырехзначную цифру. Это значит — год такой-то. Спустя несколько минут цифра растворяется. Так проходит вся жизнь.

В судьбе Иванова каждая такая цифра подразумевает поставленные им спектакли. Их счет мог бы оборваться давным-давно, вскоре после того, как в неприспособленном и ненадежном укрытии на Семипалатинском полигоне отсидел положенный уставом срок рядовой срочной службы, будущий замечательный режиссер, художественный руководитель Воронежского академического театра драмы имени А. Кольцова. Из его тогдашних товарищей в живых остались единицы. Он, слава Богу, остался...

Иванов поставил десятки спектаклей. Чехова и Островского, Гоголя и Булгакова. Зарубежных драматургов. Советских, антисоветских и постсоветских.

Разные герои. Разные лица, судьбы. Есть в спектаклях и общее — тонкий психологизм, музыкальность, теплота по отношению ко всем своим персонажам.

И еще есть одиночество.

Одиноки его Подколесин и Платонов. Одинок рядовой Алтыниш. Одиноки молодые и старые, преуспевающие и обреченные. Откуда это? Может, от одиночества самого постановщика?.. Или это — одна из общих черт всех настоящих интеллигентов в русской провинции?

Режиссеров, актеров, художников, часто не понимаемых, ищущих отклика годами? Можно возразить: какое одиночество, когда есть любящие люди, друзья, когда рядом работают талантливые и преданные коллеги!

Но разве не одинок изначально каждый большой художник, поставивший перед собой цель служения высокому искусству, художник, вечно сомневающийся в себе, душевно тонкий, ранимый. Он, как марафонец, который должен вынести всю нескончаемую дистанцию и дойти до победного финала. Непременно дойти. Когда-то этот путь прошел боготворимый Анатолием Ивановым его учитель Анатолий Эфрос.

По предначертанному судьбой пути Анатолий Иванов идет уверенно. Его театр — это его театр. Зал в нем полон. В городе и в стране его знают. О премьерах говорят и пишут.

Жаль, не съездишь теперь на гастроли, не покажешь свои работы в других городах. Жаль, не записывает спектакли телевидение.

А ведь даже лучшие из них в провинции недолговечны. Жаль, не всегда идут навстречу те, от кого зависит благополучие театра.

...Но все это — его путь.